

ВАДИМ КОВДА

И ТОЛЬКО НА ДУШЕ — СПОКОЙНО И ТЕПЛО...

ГОЛОС СВЫШЕ

Прости, что слабый ты и тленный,
хоть смел и горд не по летам.
Велик твой разум драгоценный,
но счастья Я тебе не дам.

Прости, что вверх тебя беспечно
в компьютерно-атомный век.
Прости, что время скоротечно,
прости, мой бедный человек.

Не улететь тебе ко звёздам,
не разорвать рассудка тьму.
Прости... прости — тебя Я создал
лишь по подобию Своему...

Как Я устал!.. Как мало проку!..
Сомненья бродят по пятам.
Я удаляюсь, слава Богу...
А ты ищи свою дорогу.
Попробуй сам... попробуй сам.

КОВДА Вадим Викторович родился в 1936 году в Москве. Член СП СССР с 1972 года, автор 11 книг стихотворений. Последняя книга вышла в Москве в 2012 году. Живет в Германии в городе Ганновер и в Москве.

ПОЛЕМИКА С ЛАО-ЦЗЫ

“Надо творить, пока ты не растрочен.
Тают и тают часы...
Выполни всё, для чего предназначен...” —
так говорит Лао-цзы.

Ах, Лао-цзы, косоватые глазки!..
Вдруг загляжусь в синеву...
Нет, не могу, не могу по-китайски —
нет! Я по-русски живу.

Знаю, что, может, не слишком умело
действовал праведный Бог.
Верно — не мало, не мало Он сделал...
Только ведь меньше, чем мог!

* * *

Ничего не меняют века:
та же радость и та же тоска.
Человеческий род уязвимый.
Облака и лесная река
не прекраснее лика любимой.

И в космический, ядерный век
жив курилка — растёт человек.
Жизнь дрожит, истончённей листочка.
И ни лунный, ни солнечный свет,
ни балет, ни крутой интернет
не прекраснее взгляда сыночка.

ВАЛУН

Огромный серый камень,
бугристый и рябой,
врыт в землю под ногами —
подброшен мне судьбой.

Взираю через силу.
Шальную мысль таю:
“Такой бы на могилу
грядущую мою!

Чтоб я не мог очнуться,
чтоб вечности вкусил...
И чтобы в мир вернуться
мне не хватило сил”.

* * *

Дыханья лёгкий пар. А рядом в старом доме
пар валит из дверей. Замёрзшее стекло.
Мороз дерёт лицо и переносье ломит.
И только на душе — спокойно и тепло.
А на снегу сидит, исполнена страданья,
ворона, до костей продрогшая насквозь.

И голосом глухим, простуженной гортанью
скрежещущее: “Кар-р!” — неведомое слово.
Но мы его поймём, поймём, коль захотим:
от той вороны пар, как от всего живого,
и перекошен клюв отчаяньем немым.

* * *

Не найдена, забыта, не воспета,
там, в подземельях древнего Кремля,
могила неизвестного поэта,
кем выдумана русская земля.
Подорваны, измучены, ослабли,
но всё ж покуда живы — не мертвы! —
те Суздали, Ростовы, Переслави...
И хищное могущество Москвы.

ВРАГ

Живу, себя, родного, не любя.
Не сотворю из себя кумира.
Я устаю от самого себя
поболе, чем от остального мира.

В неистовом, безжалостном бою
со лжи в себе срываю все покровы.
Но жизнь идёт. И снова устаю.
И снова ложью обрастаю новой.

МЕТАМОРФОЗЫ

Ненависть сменишь на милость.
И замыкается круг.
То, что недавно любилось,
возненавидится вдруг.
В бросовом времени давнем
вдруг замечаешь красу.
То, что считалось забавным,
вызовет боль и слезу.
И начинается темень
в мире за ближней межой...
Что же ты делаешь, время,
с ясной моею душой?

* * *

Всё же в чём-то я прав — понимаю житьё.
Понимаю, и как ни хулите —
поживите с моё, потерпите с моё,
пострадайте с моё, полюбите.

Жизни вашей свяжу и распутаю нить.
Уж поверьте. Не надо и сетовать, —
всем друзьям расскажу, как счастливым в
СТРАДАНИИ быть...
Лишь себе не могу посоветовать.

* * *

Чую, к худшему готовясь,
где корысть, обман и лесть...
Тренированная совесть.
Тренированная честь.

И от этих тренировок,
от зажатости души
стал хитёр, упрям и ловок —
выживаю на гроши.

Дымка лёгкая от дыма —
страсти жгутся, но терплю...
Как живу? — Невыносимо!
Жизнь приемлю? — Нет! Люблю!

СТРАДАНИЕ

На всякий век своих достанет бед.
За то, что в мир вошли — такая плата.
Страдают все — таков наш белый свет.
И, значит, для чего-то это надо.

И пусть никто страдание не зовёт.
Пусть каждый молит, чтоб промчалось мимо,
но каждому оно необходимо,
и каждый, если страдает, то живёт.

ПРЕКРАСНЫЙ ПТАХ

Прекрасный птах, он пел среди ветвей.
Он пел, его гортань не уставала.
И над могилой матери моей
та песня добрым ангелом витала.

Он громко пел, невзрачен и убог,
лишь глаз горячей кровью наливался.
И слышал я такой высокий слог,
который мне ни разу не давался.

Такие звуки щедрые дарил,
так булькал, свистел и надрывался,
что я его, как мог, благодарил
и за него, за глупого, боялся.

Как столько звуков выдумать он смог?
Как в его горле столько поместилось?
Прекрасный птах, он пел, как птичий бог.
Он пел. И ничего с ним не случилось...

И каждый звук, весом, упруг и смел,
соскальзывал, в нутро мне проникая.
Прекрасный птах так испуганно пел,
что слышала душа моя глухая.